

О. А. Ефремова

Новосибирский государственный педагогический университет

**«Столицы-провинции» как реализация оппозиции «свое-чужое»
в произведениях А. М. Ремизова 1900-х – 1910-х годов**

Аннотация: Работа посвящена анализу организации художественного пространства повестей «Крестовые сестры», «Пятая язва» и повести «Плачущая канава», а также выявлению роли пространственной оппозиции «столицы-провинции» в данных текстах.

В повести «Крестовые сестры» благодаря названной оппозиции происходит «присвоение чужого» через стихию молвы. Повесть «Пятая язва» изображает провинцию мирового масштаба с нестабильными пространственными характеристиками. В «Плачущей канаве» оппозиция «столицы-провинции» вливается в оппозицию более высокого уровня – «Россия-Европа». Возникает резкое противопоставление «своего» российского и «чужого» европейского.

The paper analyzes the artistic space organization of the stories «Sisters of the Cross», «The Fifth Plague», and «The Wailing Ditch» by A. M. Remizov and reveals the role of the spatial opposition «capitals vs. provinces» in the texts under analysis.

Owing to the said opposition, in the story «The Sisters of the Cross» «the alien is appropriated» via the spontaneity of rumor. The story «The Fifth Plague» depicts a worldwide scale province with unstable special characteristics. In «The Wailing Ditch» the opposition «capitals vs. provinces» becomes part of a higher-level opposition «Russia vs. Europe». There arises an acute opposition between «the Own», Russian, and «the Alien», European.

Ключевые слова: Алексей Михайлович Ремизов, пространственная организация текста, топос, локус, оппозиция «столицы-провинции».

A. M. Remizov, spatial organization, topos, locus, aesthetic opposition of The Capitals and The Provinces.

УДК 821.161.1 (092) Ремизов А. М. – 31

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, кафедра русской литературы и теории литературы. Тел. (383) 2444041. E-mail: lesefremova@yandex.ru.

Анализ художественного пространства в повестях «Крестовые сестры», «Пятая язва» и «Плачущая канава» был осуществлен в рамках подхода, в пределах которого пространство условно отделяется от времени и понимается как отвлеченная от действительности модель, конструкт воображения автора, к которому присоединяется воображение читателя [Фарыно, 2004].

Термин «топос» понимается как художественный образ с пространственными характеристиками, несущий устойчивые смысловые значения и создающий особое семантическое поле, а «локус» – как структурная часть топоса, образ, представляющий собой его семантическое ядро и отражающий конкретное место в пространственном континууме текста [Булгакова, 2008, с. 100–104].

Повесть «Крестовые сестры» являет нам пространственную оппозицию «столицы-провинции». Оппозиция представлена Петербургом и Москвой, с одной стороны, «чужими» городами для героев повестей, а также, с другой стороны, родными, своими Турьим Рогом, Пурховцом и Костринском. Неравность статусов столицы и провинции выравнивается за счет такого мотива, как людская молва, которая играет доминирующую роль в повествовании и обуславливает внутренний мир произведения.

«С барином бывало такое: говорили, что они его мучили – у леса есть хозяин и у воды есть хозяин – лесные и водяные хозяева... Нет-нет, да и соберутся они, придут к нему и укоряют, что уморил их. Оттого он и мучился. Так люди говорили» [Ремизов, 2001, с. 34]. Молва «столицы» и молва «провинции» в этом отношении являются тождественными, то есть происходит такой процесс, который Павлов в своей статье «Многомерность провинциализма» называет «выравнивание всех статусов и разрушение существовавшей ранее иерархии ценностей» [Павлов, 2004]. «Столицы» утрачивают в аспекте «молвы» свои статусы центра, обретая при этом семантику «своего»: молва вездесуща и наделена одинаковыми свойствами, что нивелирует, в частности, культурные различия, которые были актуальны в русской литературе XIX века.

Топос «Париж» не входит в названную оппозицию, так как обладает особой семантикой – это место воспринимается героями повести как способное исполнять самые заветные желания. Артист Сергей Александрович Дамаскин видел в поездке в Париж «чуть ли не спасение России»:

«По его словам, Россия, задыхающаяся среди всяких Раковых, Лещевых, Образцовых, Ледневых, Бурковых, Горбачевых и Кабаковых, впервые своим искусством покажет себя городу великих людей – сердцу Европы – Парижу и победит» [Ремизов, 2001, с. 100].

С возможностью поездки каждый герой строил свои планы на свое «спасение». Очевидно, что семантика этого топоса имеет сходство с семантикой Беловодья из народных легенд – земли счастья.

«И там, где-то в Париже, когда Сергей Александрович, танцуя, побеждать будет сердце Европы, найдет Маракулин свою потерянную радость, Верочку отыщет. <...>

И там, где-то в Париже, Верочка делается великою актрисой, и мир сойдет на нее» [Там же, с. 101].

Названный топос предстает в виде «виртуального» пространства, существующего только в сознании героев и обладающего более близкими для них чертами Беловодья из народных легенд.

Бурков дом, в котором живут герои повести, является локусом со свойствами топоса:

«Бурков дом – весь Петербург!» [Там же, с. 19];

«Бурков дом – чистая Вязьма!» [Там же, с. 22].

В нем найдено средоточие не только столичной и провинциальной судеб, но и средоточие космополитизма, ведь в Бурковом доме и около него находится большое количество абсолютно разных людей. На концептуальном уровне данный локус обрастает всеми негативными характеристиками Петербурга, но в то же время Бурков двор сохраняет внутренне присущую ему провинциальную наполненность, обусловленную «разношерстными» жильцами.

Этот локус обладает предельной насыщенностью свойств обоих членов оппозиции «столицы-провинции», благодаря которой происходит глобализация Буркова дома¹. Данный прием будет позже разрабатываться писателем на мате-

¹ Подробнее о тенденции к расширению пространства «Крестовых сестер» до пределов России см.: [Чуйкова, 2006].

риале топоса «Студенец» в повести «Пятая язва» и топоса «Канава» в романе «Плачущая канава».

Повесть А. М. Ремизова «Пятая язва», написанная в 1912 году, рисует картины жизни провинциального городка периода начала XX века. В ней можно встретить следующие названия городов: Лыков, Студенец, Петербург, Париж, Москва, – каждый из них связан с жизненным путем главного героя. В Лыкове прошло его детство, учился он в Петербурге, опыт перенимал в Париже, а вернулся из-за границы не в Петербург, и не в Москву, а в Лыков – кандидатом в лыковский суд, но был назначен следователем в Студенец.

Названные города могли бы образовать оппозицию «столицы-провинции», подобно городам повести «Крестовые сестры», однако этому препятствует глобальное доминирование Студенца, который представлен как усредненный провинциальный город: «В Студенце можно жить всякому, смотря карману» [Ремизов, 2001, с. 211]. Он разрастается в тексте до огромных размеров и заполняет всё художественное пространство, являясь аллегорией не столько пространства российской действительности, сколько вселенского масштаба. Перед этим городом меркнут и российские столицы (действующая и историческая), и европейская – Париж. Все три столичных города, о которых в повести сказано вскользь, несут значения мест профессиональной учебы, а Петербургу в тексте присвоена и семантика школ светских манер: «докторша Торопцова Катерина Владимировна – Лизабудка, певица студенецкая, и хоть дальше Казани никуда не выезжала, но с заезжим человеком может так разговор повернуть, словно бы всю-то жизнь прожила в Петербурге» [Ремизов, 2001, с. 234]. Важно отметить, что сама пространственная оппозиция «столицы-провинции» в повести перестает быть актуальной: перечисленные столицы не несут в тексте никаких культурных смыслов, а провинциальный город выходит за ее пределы, становясь вселенской метафорой человеческого существования, не своим и не чужим.

В результате анализа внутреннего строения Студенца и его внешнего пространственного положения нами было замечено, что для повести актуально нарушение пространственных границ: «Студенец на горе – лесная сторона. Против города на другой горе монастырь, – некогда старцы пустынные, работая Богу и церкви Божией, жили в нем, отшельники, питались лыками да сено по болоту косили в богомыслии и умной молитве, а теперь монашки лягушачью икру сушат, – помогает от рожи, да коров развели и молоко продавать возят на завод в Лыков, – Тихвинский девич-монастырь. Между гор река – сплавная река Медвежина. Кругом лес» [Ремизов, 2001, с. 231]. Так как монастырь находится напротив города, и между ними протекает река, то эти два места по логике вещей должны вступать в отношения противопоставления. Однако город, общество которого погрязло в пороках, стремится «излечиться» доступными для себя способами, пусть и блудом у Шапаева, а монастырь также мельчает: раньше старцы в нем питались лыками и жили в умной молитве, а теперь монашки продают молоко и лягушачью икру. Эта амбивалентность названных локусов обусловлена свойствами реки-границы: она не четкая и фиксированная, а зыбкой и подвижная, ведь вода в реке постоянно движется, изменяя свое русло. Спас-гора в пространственном отношении уравнивается с греховным Студенцом, и, несмотря на то, что монастырь расположен на горе, в вертикальной близости к Богу, на ней бабушка Двигалка рождает черта-котенка. Все пространство текста становится зыбким и плывет. При этом эффект движения в повести, изображающей застоявшийся уклад провинциальной жизни, создается только через введение нестабильного пространства. Оно также обуславливает выход Студенца на глобальный уровень аллегории и лишает нас возможности вписать этот город в какие-либо оппозиции.

В повести «Плачущая канава» были выявлены особенности топики, реализованные в оппозиции «Россия-Европа». Они заключаются в наличии римского, петербургского, московского, провинциального и европейского пластов локусов,

которые и складываются в названную оппозицию. Римский пласт локусов не входит в нее, но его наличие предполагает всеохватность Канавы, метафизического пространства истязания, из которого нет выхода.

«Увы! И Рим с холмами и дорогами, вечный город Рим, с римским правом, Форумом, Петром и Павлом, как и город мечты о человеческом счастье и воле – Петербург, с проспектами и трактами, Медным всадником, с белой ночью и любимым, душу томящим, желтым осенним туманом, – во рву, на дне плачущей канавы» [Ремизов, 2001, с. 390–391].

Концептуально пространство повести представлено как Канавы плачущая – архипространство, поглотившее все пласты локусов реального пространственного уровня. Локусы петербургского топоса амбивалентны, но при исследовании было замечено, что превалируют все же негативные смыслы, описанные В. Н. Топоровым [1995]. Москва предстает в тексте как носительница женского начала, православное родовое гнездо, утраченное безвозвратно: «И эта его поддача на московские сайки – а он именно так впоследствии все и объяснил себе сайками – решила всю его жизнь».

Изуверским языком тех самых книжек, какими он в засос зачитывался и какие по догадкам Аксины Матвеевны и загнали его, сказал он тогда себе, уласканный домом, теплом, матерью старухой и бабушкой об одной ноге, выговорил он слово к слову, попивая чаек московский с московскими домашними сайками – ведь, нигде, только в Москве такие и пекут! – как пух, легкие, с соломкою» [Ремизов, 2001, с. 311–312].

Провинциальные локусы не стоят в оппозиции к Москве и Петербургу, а наоборот, даже примыкают к ним. Подболотье как название населенного пункта достаточно частотно для России. Оно обладает нестертой внутренней формой и, находясь скорее всего под Петербургом, призвано подчеркнуть семантику гибели и пропади, которые представлены несколько в меньшей мере, чем в самом Петербурге.

К концу повести становится очевидно, что границы локусов и объединяющих их топосов стерты на фоне глобального топоса «Россия» при схождении петербургского, московского и провинциального пластов: в нем соединяется Москва, матушка – хозяйка, и болото – Петербург, а также множество «безликих» провинциальных городков и деревень. Проанализированный топос «Россия» в тексте явно противопоставлен топосу «Европа», он вступает в оппозицию «свое-чужое» на более глобальном уровне обобщения. Повествователь видит Европу родиной колоколов, рыцарей и славословящего камня. Акцентируется каменная и колокольная сущность Европы, как и каменного начала в топосе «Петербург». Европа – «человеческая пустыня, жажда чуда и свиное самодовольство» [Ремизов, 2001, с. 448]. У Будылина и Тимофеева, персонажей «Плачущей Канавы», побывавших в Европе, очевиден произошедший перелом сознания после поездки за границу – географическая граница и ее пересечение тождественны ментальной границе между мировоззрениями. Будылин начинает ненавидеть мир, а Тимофеев отходит от революционных мыслей, они оба теряют мышление православного человека.

Таким образом, была рассмотрена оппозиция «столицы-провинции», которая является структурной частью художественного пространства повестей «Крестовые сестры», «Пятая язва» и «Плачущая канавы». Был прослежен динамический аспект семантики оппозиции «столицы-провинции» в названных повестях и установлено, что ранее существовавшая в классической литературе модель данной оппозиции, где столица прогрессивна и постоянно развивается, а провинция реактивна и находится в застое [Павлов, 2004], многократно усложняется в текстах Ремизова. Помимо включения в нее семантики «свое-чужое» мы наблюдаем, как по-разному она функционирует в исследуемых нами повестях.

В повести «Крестовые сестры» оппозиция «столицы-провинции» задается пространственными параметрами «здесь-там», однако является концептуально амбивалентной – происходит «присвоение чужого» через стихию молвы. Повесть «Пятая язва» демонстрирует движение к глобализации образа провинциального городка, который уже выходит далеко за границы рассматриваемых оппозиций, являясь как бы «глобально своим», и становится провинцией мирового масштаба с нестабильными пространственными характеристиками. В «Плачужной канаве» оппозиция «столицы-провинции» вливается в оппозицию более высокого уровня – «Россия-Европа». Возникает резкое противопоставление «своего» российского и «чужого» европейского. При этом «чуждость» Европы проявляется через грех, грязь и порок, так же, как и России, поскольку мир воспринимается как творение злой дьявольской воли. Однако Россия все же «своя», что связано на наш взгляд с русской национальной идеей, которую Ремизов использует как отправную точку концепций более поздних повестей: только избранный русский народ способен сообща преодолеть господство злой воли в этом мире. В то же время весьма закономерно появляется концептуально всеобъемлющий пространственный образ Канавы, поскольку уже имел место быть опыт глобализации пространства на примере Студенца. Так, с точки зрения пространственной организации «Плачужная канава», завершенная А. М. Ремизовым в 1918 году, является повестью, в которой в полной мере реализовался весь накопленный творческий опыт писателя.

Литература

- Булгакова А. А. Топика в литературном процессе. Гродно, 2008. С. 26–57.
- Павлов А. В. Многомерность провинциализма // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. 2004. Вып. 4. С. 51–60.
- Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. 560 с.
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.
- Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 363–378.
- Чуйкова О. А. Петербург в мифологической системе повести А. М. Ремизова «Крестовые сестры» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2006. № 2 (27). С. 261–265.